

Я столкнулась со старшим сыном Месье на линии номер 1, в районе станции Шарль-де-Голль-Этуаль. В это время в лицах закончились занятия и в вагоны ворвались шумные ватаги студентов. Я вынуждена была встать, чтобы очередная партия смогла втиснуться в мой и без того уже переполненный вагон. Именно в этот момент почувствовала, как чей-то острый локоть уперся мне в спину, подняла взгляд от книги, чтобы приступить к традиционному обмену равнодушными извинениями, не предполагающему отключения iPod. Как обычно, извиняться я сочла бессмысленным. За что? За то, что живу? Или за то, что у меня есть спина?

Его голос, к тому же еле слышный, вряд ли что-то вызвал во мне. Но по какой-то причине я взглянула на него и уже через долю секунды наверняка знала: это его сын. Никакой магии, лишь неприличное сходство между оригиналом и копией, которое поразило меня словно гром. Мне потребовалось сделать над собой невероятное усилие, чтобы отвести взгляд от его больших глаз с тяжелыми веками, наполненных нестерпимой чувственностью, унаследованной от Месье, которую он, конечно, еще не осознавал. В моей голове словно заела пластинка: это он, это он, это он... Я чувствовала: парень вот-вот удивится моему настойчивому взгляду, поэтому сделала вид, что вернулась к Андре Бретону¹. На самом деле даже не надеялась, что смогу думать о чем-либо другом.

¹ Андре Бретон (1896—1966) — французский писатель и поэт, основоположник сюрреализма. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Я и представить себе не могла, как мучительно больно ощущать его рядом с собой, вдыхать этот молодой запах, который не перебивает даже сильный аромат парфюма. Не заметила, как доехала до своей станции, — думаю, вполне могла последовать за ним.

Шарль. Первенец. Помню, как во вторник утром, в голубой комнате отеля пятнадцатого округа, я ошеломила Месье, перечислив его сыновей по именам: Шарль, Самюэль, Адам, Луи и Саша. Все пятеро — из жизни, о которой я могла только догадываться. Я знала о старшем сыне подробности, о них он сам, наверное, давно забыл. Например, разгоревшийся за ужином спор по поводу каких-то исторических сражений, когда Шарль в порыве подростковой ярости стукнул кулаком по столу, едва не заработав отцовский подзатыльник. В тот день он вернулся из лица под легким кайфом, и от его густых темных волос предательски пахло травкой. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, как сильно Месье его любит. В сравнении с этой любовью смутная нежность, которую он однажды испытал ко мне, выглядела безгранично нелепой.

Поезд сделал поворот, и Шарль снова прижался ко мне всем своим телом, незнакомым, но вместе с тем таким родным.

— Извините, — произнес он на этот раз с несколько смущенной улыбкой, показав отцовские ямочки на щеках и такие же белые зубы.

Передо мной стоял Месье и смотрел на меня впервые за последние полгода, Месье, которого я увидела словно через лупу, открывающую и объясняющую мне всё: дети, жена, всё, что он создал, всё, ради чего трудился не покладая рук, все эти цепи, сковывающие его ноги, все его удачи и границы его собственного царства. И я могла бы испытать сочувствие и даже умиление, но Шарль снова и снова отодвигался от меня, улыбаясь и извиняясь (и каждая улыбка напоминала мне Месье, лежащего подо мной после секса), и вся моя энергия была направлена на то, чтобы не закричать: «Прекрати улыбаться этими губами, ставшими для меня родными, убери с моей руки пальцы твоего отца, которыми он судорожно сжимал мои бе-

дра во время оргазма, отвернись сейчас же, я не хочу — *не могу* — видеть эти серые глаза, которые даже не твои! В твоём лице нет ничего твоего, и даже этот длинный нос, подарок твоёй матери — возможно, единственное, что сделало из тебя отдельную личность, появившуюся на свет в результате любви Месье к другой женщине, поэтому умоляю тебя, *прекрати*». Я кусала изнутри щеки, чтобы не дай бог мои губы не разжались и не вымолвили ему причину, почему незнакомая молодая женщина в метро не сводит с него глаз, поскольку уже читала этот вопрос в его настойчивых взглядах.

Так кто же я? Меня зовут Элли (это имя ни о чем тебе не скажет, однако было время, когда оно значило для него всё: питье, еду, сон и всё, что было в промежутках между ними). Я почти твоего возраста, старше от силы на пару лет, но они не имеют значения, поскольку я не очень изменилась с тех пор, как таскала тетради по математике в старом дырявом рюкзаке. А смотрю я на тебя так, потому что ты до боли напомнил мне своего отца. И дело не только во внешнем сходстве — в твоих глазах я вижу ту же неосознанную истому, гипнотизировавшую меня, то же ненасытное влечение к женщинам, возбуждавшее меня, словно в этой толпе я вновь увидела его взгляд из-под хирургической маски, как во время операций в клинике. Конечно, Шарль, мне этого недостаточно, но только посмотри на меня — я закрыла свою книгу и, опустив руки, украдкой разглядываю тебя из-под челки, почти забыв о том, что ты всего лишь первый и талантливый набросок с него, только на тридцать лет моложе.

Тридцать лет — примерно такая же пропасть отделяет меня от него, и все же я была его любовницей, сгорая в пламени любви, где полыхали все мое восхищение и благодарность, и, разумеется, ослепление. Мне не составляет труда представить, как я могла бы встретиться с тобой на вечеринке общих друзей, раскурить вместе косячок с травкой и увидеть, как твои глаза затуманятся, как когда-то затуманивался его взор, узнать,

что может тебя рассмешить, и прервать твой хохот, прикоснувшись губами к знакомым до боли устам.

Это было бы так просто и естественно — стать твоей подружкой, встречать тебя каждый вечер у лица, ведь я старше тебя ровно настолько, чтобы многому научить и навсегда оставить след в твоей душе, но с некоторых пор к моим двадцати годам словно прибавилось еще двадцать. Вряд ли тебе покажется это логичным, однако твой отец столько рассказывал о тебе, что в моих глазах ты превратился в почти бесполого ребенка. Если бы я тебя сейчас поцеловала так, как мечтаю, сгорая от желания, то сделала бы это со всей силой отчаяния, потому что ты — сын мужчины, которого я никак не могу забыть, а твои поцелуи наверняка произвели бы на меня эффект, подобный фенадону¹, выписанному в качестве крайнего средства раскаявшимся наркоманам.

Если бы ты только знал, сколько я искала этих «почти», «не совсем», «да, но нет». Представь, какую ценность ты имеешь для меня, до отвращения пресытившейся несовершенновыми копиями твоего отца. Ты стоишь напротив, всего в нескольких сантиметрах, мимолетный и молчаливый, спокойный, как и подобает подростку, взгляд которого еще не запятнан грязью необузданных желаний и лишь неуверенно оцупывает меня, — и я вспоминаю Его глаза. Конечно же, этого мне будет недостаточно.

Привет, Шарль, меня зовут Элли, ты никогда со мной не разговаривал и вряд ли увидишь меня снова, но мне известно имя каждого члена твоей семьи и, хотя мы с тобой незнакомы, но, поскольку я видела твоего отца, на которого ты поразительно похож, поскольку я сжимала его в объятиях, тебя я знаю очень хорошо...

Похоже на шутку, правда? Или на фильм Трюффо². Незнакомка среди тысяч других людей садится в тот же поезд метро, что и сын ее любовника. Она узнает его сразу: его лицо прекрасно дополняет все семейные фотографии. На месте этой незнакомки мог быть кто угодно, но оказалась я. Именно ко мне ваш

¹ Наркотический анальгетик.

² Франсуа Трюффо (1932—1984) — известный французский режиссер, киноактер, сценарист.

отец мчался во вторник утром, когда вы все отправлялись на занятия, и, любовно поглаживая вас по голове, он уже думал обо мне. Обо мне, ничтожной девице в джинсах «Бенсимон» с невзрачным хвостиком на голове. Об этом лице. Об этих руках, которые сейчас сжимают книгу в душной парижской подzemке, но несколькими месяцами раньше, Шарль, *всего шесть месяцев назад*, я впивалась ногтями в кожу других рук, властных и сильных — тех, которые *ты* ощущал на своей спине во время твоих первых прогулок на велосипеде по аллеям Люксембургского сада. Ты ничего об этом не знаешь и смотришь на меня так, как наверняка глядишь на других девушек, тогда как я несомненно единственный человек в мире, вызвавший бы у тебя наибольшее презрение за то, что мне ужасно хочется пробраться к тебе в карман и провести вечер за столом рядом, даже если ничего между нами не будет. Просто понять. Просто увидеть его. Хотя бы совсем ненадолго приобщиться к тем драгоценным мгновениям, которые ты проводишь с отцом, не придавая им никакого значения, к вашим спорам за столом, к аромату поцелуя, что он дарит вам, когда вы идете спать, к таким обыденным вещам, как первые слова, которые произносит, возвращаясь вечерами домой. Эти ощущения, составляющие основу вашей повседневной жизни, для меня полны сказочной тайны, сродни непозволительной роскоши, поскольку все золото мира, все мыслимые и немислимые уловки не позволят мне провести с вами вместе и пяти минут. Пять минут вашей уютной и спокойной маленькой жизни, ежедневных ужинов, где ты противостоишь своему отцу, который в пылу спора забывает о еде, а твоя красавица мать устало наблюдает за этими стычками самцов, в то время как четверо младших братьев не знают, на чью сторону встать. А я в углу пожираю вас глазами, как лучший фильм на свете, впитывая в себя образы и запахи, и, оставшись одна, буду их вспоминать. Я думаю об этом подобно ласкающему себя подростку, который не может избавиться от чувства вины.

В Шателе он бросил на меня последний взгляд из-под своих длинных черных ресниц и принялся пробираться к выходу.